

Неделя, 1984

окт. № 41

В нынешний — юбилейный для Кольцова год (исполняется 175 лет со дня его рождения) в издательстве «Правда» вышел том его стихов, очень полный. Под той же обложкой русские народные песни, записанные Кольцовым, пословицы и поговорки, собранные им. И — бесценное — письма. Их 73! Они читаются, как лучшая книга.

А недавно в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Николая Скатова «Кольцов». Трудно было выбрать несколько страниц из этой книги для «Недели»: о жизни великого поэта до сих пор известно было так мало, а книга сообщает так много... Неспроста ведь толстый литературно-художественный журнал «Подъем» перечисляет книгу Скатова — за страницей страницу. Мы же выбрали крошечный отрывок, просящий хотя одно слово, навсегда соединившееся в наших умах с именем Алексея Кольцова: «прасол». Кто же такой был прасол в старинные годы на Руси?

Василий Петрович решил, что полученных сыном знаний достаточно для того, чтобы начать приобщаться к делам, что прежде всего именно здесь сын должен быть «остр» и «понятен». Во второй половине года мальчика забирают из училища, и он вовлекается в отцовские дела. С одиннадцати лет постоянно ездит по деревням, в лес, в степь.

Сами дела, которые вел отец и к которым очень рано подключился сын, были очень разнообразны. Это явно связано и с характером Василия Петровича, склонного к некоторому авантюризму, часто ловившего то, что попадало «под случай», то, что можно было сорвать в быстрой и ловкой операции. Но что, попадая «под случай», под действие разных сил и отношений, было чревато и «кавосем», в общем — «пан или пропал». Обычно Кольцовыми велось прямо или через приказчиков сразу много дел. Занимаясь землепашеством и засевая подчас довольно большие площади, выращивали и продавали хлеб. К тому же Кольцов-старший был большим любителем-садоводом и при доме своем в Воронеже развел обширный сад. Кольцовы хорошо понимали, что такое сельское хозяйство и как оно ведется. То, как выращивается хлеб, младший Кольцов узнал не со стороны, не наблюдателем, хотя, естественно, с сохой от зари до зари не ходил.

Вот как через много лет, уже в 1840 году, Кольцов выговаривает в письме Белинскому за ведение сельскохозяйственного отдела в «Отечественных записках»: «А хуже всего «Сельское хозяйство»: оно вовсе не по журналу, и особенно какого-то дурака напечатана статья о покраже хлеба и мере — гадость гадостью. Да и все статьи не шибкие. Эти господа агрономы напичканы иностранными теориями и принятыми методами тридцатого года, которые во мнении начинали упадать, кроме метод: сахарной, машинной и мауфактурной. На сельское русское хозяйство надо смотреть по-русски, а не по-немецки. Немецкие методы нам не годятся, и их орудия — не наши орудия».

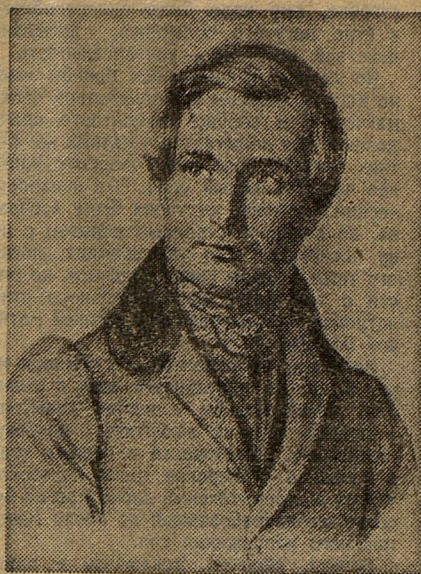
Еще далеко впереди будет докучаевское почвоведение, и еще дальше заботы Мальцева, и опыты Бараева, и споры об однопольном плуге, а поэт Кольцов пишет тогда критику Белинскому: «Наш чернозем любит соху, а чтобы улучшить соху, надо улучшить руки людей, которые ею работают. Дело и в орудии, но дело и в умении управлять им. Можно и на одной струне играть хорошо, а глупец и на четырех ушах дерет».

Хорошо знали Кольцовы и лесное дело, будучи, говоря современным языком, лесозаготовителями. Отец содержал в Воронеже большой дровяной склад, двор, как тогда говорили. Постоянно занимался заготовкой леса и сын.

Кроме того, ведутся так называемые шибайные дела по продаже овчин, кожи, шерсти. Кольцов десяти лет был в круговороте всей этой сельскохозяйственно-промышленно-торговой работы.

И основное занятие Кольцовых все-таки прасольство, скотопромышленные дела. В ряду двух десятков воронежских прасолов тридцатых годов прошлого века Василий Петрович был из главных. «Прасол — поясом опоясан, сердце пламенное, а грудь каменная», — с явным сочувствием говорит о прасолах местная поговорка. В прасольстве было много казацкого, удалого, что так нравится русскому человеку. Прасол прежде всего лихой наездник.

Белинский вспоминал, явно по рассказу Кольцова, как тот однажды еще юношей перелетел на всем скаку через голову коня. И здесь его спасло на редкость крепкое здоровье. Сутуловатая фигура Кольцова была фигурой именно казака, кавалериста. И всякую животину он любил и, так сказать, чувствовал, ощущал, вплоть до веры в «сглаза». Хороший человек и на скотину хорошо действует, плохой и ее может «сглазить». «Эфто бывает», — передавал брат Николая Станкеви-

Алексей Кольцов.

«СРЕДИ ПРИРОД»

Николай СКАТОВ

ча Александр совершенно по этому поводу убежденное мнение Кольцова.

Да вряд ли и могло быть иначе у человека, большую часть времени живущего со своими стадами.

Кольцов действительно жил, как скажет он в одном раннем наивном стихотворении, «среди природ». Он действительно жил в природе. Для поэтической натуры трудно было бы придумать более полное, разнообразное, насыщенное воспитание самой природой, особенно степью. Эту степную стихию Кольцова ощутил Бе-

линский, может быть, с тем большей остротой, что сам он по всей жизни своей был ее лишен: «...Его юной душе поллюбили широко раздолье степи. Не будучи еще в состоянии понять и оценить торговой деятельности, кипевшей на этой степи, он тем лучше понял и оценил степь, и полюбил ее страстно и восторженно, полюбил ее как друга, как любовницу. Многие пьесы Кольцова отзываются впечатлениями, которыми одарила его степь. Почти во всех его стихотворениях, в которых степь даже и не играет никакой роли, есть что-то степное, широкое, размашистое и в колорите и в тоне. Читая их, невольно вспоминаешь, что их автор — сын степи, что степь воспитала его и взлелеяла. И потому ремесло прасола не только не было ему неприятно, но еще и нравилось ему: оно познакомило его с степью и давало ему возможность целое лето не расставаться с нею, он любил вечерний огонь, на котором варились степная каша; любил иногда целые дни не слезать с коня, перегоняя стада с одного места на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не без неудобств и не без неудовольствий, очень прозаических.

Случалось целые дни и недели проводить в грязи, слякоти, на холодном осеннем ветру, засыпать на голой земле, под шум дождя, под защитой войлока или овчинного тулупа. Но привольное раздолье степи, в ясные и жаркие дни весны и лета, вознаграждало его за все лишения и тяготы осени и дурной погоды».

Белинский же недаром называл степь и первой «школой жизни» для Кольцова, ибо изучение действительности во многом началось здесь же. Наверное, не случайно именно в степи Кольцов по какому-то наитию разом — как током ударило — ощутил себя поэтом. Кольцовские приказыники вспоминают: «Малый-то он ничего был... Да, знаете, чудак был: в сочинители записался. Где бы делом заняться, а он песни сочиняет» (А. В. Попов). «Бывало, летом, в степи, особенно по вечерам, при солнечном закате, уже смеркаться начнет, а он, сердечный, и ну писать и ну писать. Я его — Лексей Васильевич! Лексей Васильевич! Куды тебе, не слышит, глядит как истукан. В ту пору совсем чудачком глядел» (Зенфиров).

Приходилось прасолам, как тем песенным ямщикам, и замерзать в степи, и нарываться на разбой, подвергаясь опасностям смертельным. Известен случай и с самим Кольцовым, не поладившим в степи с одним из своих работников, который собрался хозяина зарезать...

Кольцов, как говорил Белинский, сам был сыном народа в полном значении этого слова. «Он не для фразы, не для красного слова любил русскую природу и все хорошее и прекрасное, что как возможность живет в натуре русского селянина. Не на словах, а на деле сочувствовал он простому народу в его горестях, радостях и наслаждениях. Он знал его быт, его нужды, горе и радости, прозу и поэзию его жизни, — знал их не понаслышке, не из книг, не через изучение, а потому, что сам и по своей натуре, и по своему положению был вполне русский человек». «Я русский человек», — неоднократно заявлял в письмах Кольцов. «Русский» в данном случае означает не только национальную принадлежность, но и особую близость к миру народному, «русскому» в отличие от европеизировавшегося «общества».

Кольцов подрастал человеком характера в основном довольно замкнутого и казался даже, по словам сестер, скрытным и угрюмым. В степи, в лесу, в поле раскрывалась его душа. В деревне, на отдыхе Кольцов становился совсем другим человеком, делался неузнаваемым: куда девались нелюдимость и суровость! Он бывал тогда весел и радостен и возбуждал вокруг себя не скуку, а веселость.

Вряд ли кто-нибудь еще из наших литераторов был столь тесно связан с жизнью народа, так вовлекался в нее изнутри ее самой, оказывался для мужиков не человеком со стороны, не баринном — своим ли, заезжим ли. Здесь-то прасольство явно сослужило нашей поэзии великую службу. Без него ни русской природы, ни русского народа наш поэт никогда и нигде так бы не узнал.

ПЕСНЯ

Если встречу с тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепет, за огонь
Разольется в груди.
Если взглянешь, душа,
Я горю и дрожу,
И бесчувствен в нем,
Пред тобою стою!
Если молвишь мне что,
Я на речь твою,
На призыв твой
Что сказать — не смущу.
А любовью твоим,
А восторгом живым
На земле, у людей,
Выражения нет!
Дева — радость души,
Это жизнь — мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей!

ПУТНИК

Стустились тучи, ветер веет,
Трава пустынная шумит.
Как черный полуг, ночь висит,
И даль пространная чернеет;
Лишь там, в дали степи обширной,
Как тайный луч звезды призывный,
Зажжен случайной рукой,
Горит огонь во тьме ночной.
Унылый путник запоздалый,
Один среди глухих степей,
Плещусь к ночлегу; на своей
Клячонке тощей и усталой
Держу я путь к тому огню;
Ему я рад, как счастья дню.
И кто так пристально среди ночи
Вперял на дугу страстных очей,
Кто, не смыкая зорких глаз,
Кто так стерег условный час,
Как я, с походною торбою,
Трясая на кляче чуть живой,
Встречал огонь во тьме ночной?
То наш очаг горит звездою,
То сплет наша степняка
Под песнь родную чумака!..